

Асратян Дмитрий Константинович

КРЕЩЕНИЕ АЛАНИИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В статье анализируется отражение одного из важнейших эпизодов распространения христианства на Северном Кавказе - крещения Алании - в российской церковной и светской историографии второй половины XIX века. Отмечается, что отечественные ученые внесли существенный вклад в изучение истории православного христианства в Алании, однако на их работе негативно сказался произошедший задолго до революции разрыв церковной и светской науки. Автор обращает внимание на то, что давно устаревшие взгляды порой тиражируются и современными издателями, и комментаторами классических трудов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/12-2/8.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 12 (62): в 4-х ч. Ч. II. С. 44-48. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/12-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 94

Исторические науки и археология

В статье анализируется отражение одного из важнейших эпизодов распространения христианства на Северном Кавказе – крещения Алании – в российской церковной и светской историографии второй половины XIX века. Отмечается, что отечественные ученые внесли существенный вклад в изучение истории православного христианства в Алании, однако на их работе негативно сказался произошедший задолго до революции разрыв церковной и светской науки. Автор обращает внимание на то, что давно устаревшие взгляды порой тиражируются и современными издателями, и комментаторами классических трудов.

Ключевые слова и фразы: христианство; история христианства; Северный Кавказ; аланы; церковная история; историография; Средние века.

Асратян Дмитрий Константинович*Институт истории и археологии Республики Северная Осетия-Алания**hasratian@yandex.ru***КРЕЩЕНИЕ АЛАНИИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ®**

Крещение Алании не оставило следа в исторической памяти русского народа. О том, как южные соседи Руси, бесстрашные ираноязычные воины, совсем незадолго до восточных славян приняли христианство, не найти упоминаний в летописях. Русская историческая наука, переживавшая в XIX веке период расцвета, также уделяла не слишком много внимания христианской истории Северного Кавказа. В конце позапрошлого столетия вопросом, «какую же давность имело в ту пору (в середине X века – Д. А.) христианство у алан и с какого времени стало оно народной религией», занялся выдающийся русский византист Ю. А. Кулаковский. Подвергнув жесткой критике взгляды митрополита Макария (Булгакова), изложенные во 2-м издании «Истории христианства на Руси до Владимира» [5], Кулаковский заявил: «Из других наших церковных писателей никто, сколько нам известно, не касался вопроса о том, когда аланы стали христианским народом; таким образом, дело остается и доселе в том неверном освещении, какое дал ему преосв. Макарий» [4, с. 167].

Очевидно, маститый киевский профессор, приступив к разработке аланских сюжетов, упустил из виду целый ряд вполне доступных его вниманию работ.

За полвека до Кулаковского на роль, которую сыграл в обращении алан патриарх Константинопольский Николай Мистик (†925), обратил внимание выдающийся итальянский филолог кардинал Анджело Май (1782-1854).

Николай Мистик, один из наиболее выдающихся иерархов Константинопольского Патриархата за всю его историю, крупный государственный деятель и плодовитый писатель, оставил обширное эпистолярное наследие. Значение переписки святителя было осознано уже его младшими современниками: большая часть из примерно 200 сохранившихся писем – 163 – были собраны, видимо, в течение нескольких десятилетий после его кончины и переписаны в манускрипт, хранящийся на острове Патмос (*Patmos 178*). В конце XVI века раздел манускрипта, который содержал собрание писем Николая Мистика, был переписан по поручению Луиджи Лоллино, архиепископа Беллуно, собравшего уникальную коллекцию копий патмосских рукописей, дотоле недоступных для исследования [13, р. XXXI-XXXII]. Этот список (*Vaticanus gr. 1780*) и лег в основу первого достаточно полного издания посланий Николая Мистика, которое выпустил в 1844 г. кардинал Май [15 (2), р. 161-440].

В том вошли все 163 письма из Патмосского манускрипта, включая те, что спустя полвека сыграли столь значительную роль в реконструкции средневековой истории Осетии. Во вступительном слове [*Ibidem* (1), р. VI-XXVII] кардинал Май – очевидно, первым из исследователей нового времени – дважды касается аланских сюжетов в посланиях Николая Мистика.

«*Pulchrae sunt tres epistolae ad Georgium Abasgiorum principem, quarum in prima condolet ei de parentis egregii obitu. In eadem hac aliisque laudat magnopere Georgii virtutes, gratiasque agit ob impensam Alanorum finitimorum conversioni et baptismati curam, eique Alaniae archiepiscopum impense commendat*» [*Ibidem*, р. XVII] (Прекрасны три послания Георгию, князю авасгов, в первом из которых он соболезнует ему в связи с кончиной его выдающегося отца. Во этом же и других (посланиях) он чрезвычайно восхваляет добродетели Георгия, а также благодарит за большую заботу об обращении и крещении соседних алан, причем настоятельно рекомендует архиепископа Алании).

«*Ep. 52, 118, 133, 134, 135. Alaniae archiepiscopatus est in Leonis sapientis schematismo apud Leunclavium T. I. p. 88. Alterius recentioris Alaniae archiepiscopi scripta graeca haud paenitenda mihi cognita sunt, quae postea litterario orbi patefaciam*» [*Ibidem*, р. XX] (Послания 52, 118, 133, 134, 135. Архиепископия Алании приводится в росписи Льва Мудрого у *Leunclavium*, t. I. p. 88. К сожалению, греческие письмена другого, более позднего архиепископа Алании мне неизвестны, чтобы представить их образованному обществу).

Сюда же следует отнести и следующий пассаж из вступительного слова: «*Neque aliae desunt in his epistolis notitiae, veluti... de montis Olympi monacho qui per id tempus Abaris Christum praedicavit, de Abarorum exitio...*» [*Ibidem*, р. XIII-XIV] (Также в посланиях немало иных сведений, как-то... о монахе горы Олимп, который

в то время возвещал аварам Христа, о гибели аваров...). В действительности, согласно посланию № 9, «монах горы Олимп» благовествовал среди алан; ошибка А. Май или наборщика (*Abaris* вместо *Alanis*) связана, по всей видимости, с последующим упоминанием «гибели аваров» (о которой патриарх пишет в послании № 10).

Итак, еще в 1844 г. А. Май прозорливо выделил 5 писем, адресованных архиепископу Алании Петру (№ 52, 118, 133-135), а также обратил внимание (не приводя, правда номеров писем) на то, что в письме № 51 упоминается недавнее обращение и крещение алан при содействии адресата – «князя авасгов» – и что письма № 51 и 46 содержат рекомендации относительно архиепископа Алании (считая, что все три письма «князю авасгов» адресованы одному и тому же лицу, кардинал Май называет его Георгием, в соответствии с надписанием письма № 162; в действительности, как показал уже в XX веке американский ученый К. Туманов, письмо № 51 адресовано отцу Георгия II – Константину [1, с. 24]).

Кроме того, А. Май сообщил, что Аланская архиепископия приводится в нотиции Льва Мудрого, включенной в свод византийского права «*Jus graeco-romanum*» [15 (1), р. XVI], который был составлен немецким ученым Иоганном Лёвенклау и издан в 1596 г., уже после его смерти, во Франкфурте-на-Майне [12]. Это же ошибочное утверждение будет встречаться и позднее, в том числе у митрополита Макария (Булгакова) (см. ниже).

Вряд ли кардинал Май, блестящий знаток древних рукописей, сумевший прочесть множество палимпсестов с помощью разработанных им палеографических методов и издавший ранее неизвестные сочинения 350 античных и средневековых авторов [11], мог предвидеть, сколь важный шаг он сделал в области, казалось бы, такой далекой от его профессиональных интересов. Однако несомненно, что и он должен войти в число тех, кто своими трудами способствовал формированию аланистики как важного направления в исторической науке.

Всего лишь два года спустя после публикации кардиналом Май посланий Николая Мистика, в 1846 г., вышла в свет монография архимандрита Макария (Булгакова), впоследствии митрополита Московского и Коломенского, – «История христианства в России до равноапостольного князя Владимира, как введение в историю Русской Церкви». Эта работа, выдержавшая два издания при жизни автора [5; 6] и переизданная большим тиражом уже в наши дни в составе фундаментальной многотомной «Истории Русской Церкви» [7], и поныне пользуется заслуженной популярностью и авторитетом.

«Нет практически не только ни одного древнего источника, относящегося к рассматриваемой теме, который не был бы использован автором, но и ни одной русской или зарубежной книги или статьи, затрагивающей вопросы гражданской и церковной истории, которые ускользнули бы от пристального взгляда митрополита. Нельзя не отметить и того, что всем этим множеством разноязычных источников и новейшей литературы митрополит пользуется творчески, им проведена огромная работа с источниками и критически осмыслена литература нового времени», – утверждает в предисловии к современному переизданию труда святителя Макария видный ученый С. А. Беляев [2]. Более того, он полагает, что ни значительное расширение источниковедческой базы, ни новая трактовка письменных источников и данных археологии «ни в коей мере не поколебали» сделанных митрополитом Макарием выводов.

Интересующей нас теме посвящен раздел II «Следы христианства в Алании» в вышеназванной монографии (ч. I «История христианства в пределах нынешней России до основания русского царства (ок. 60-862)», глава III «Церковь Христова в древней Сарматии, или в нынешнем Кавказском крае»). Трудно сказать, что имел в виду современный комментатор относительно актуальности выводов митрополита Макария, если принять во внимание такие его утверждения: «Существование же какой-либо аланской, или хазарской епархии в VIII в. выше всякого сомнения»; «Аланы тождественны с более известными у нас хазарами»; «Тождество алан и хазар, которое признавал еще наш святой Димитрий Ростовский, не может подлежать сомнению, если возьмем во внимание, что в тех самых местах, где, по византийским известиям, обитали аланы, в одно и то же время, по известиям восточным, полагаются хазары, или хазары; имя Алании заменяется именем Хазарии; море Каспийское, у которого жили аланы, называется Хазарским, и действия, приписываемые одними аланам, другими усвояются хазарам» и т.п. [7]. Отличая, казалось бы, хазар от славян, митрополит Макарий, вместе с тем, некритично ссылаясь на мнение святителя Димитрия Ростовского, что «беседоваху козаре языком славянским» и «были вообще народ славянский», а с другой стороны, приводит свидетельства о том, что хазары «были смесь турков с славянами».

Разумеется, эти взгляды вступают в противоречие с хорошо известным и митрополиту Макарию житием святого Константина (Кирилла), в котором рассказывается, как будущий просветитель славян посещал хазар, верхушка которых к тому времени уже исповедовала иудаизм. Однако его не смутило и это: «Не следует ли отсюда одно из двух: или хазары вовсе не аланы, или у алан совсем не исстари водворилось христианство? Не следует ни того, ни другого. А очевидно только, что те именно хазары, или аланы, которые в девятом веке жили у Каспийского моря и отправляли послов в Константинополь для испрошения себе проповедников веры, точно не были христианами до этого времени. Но мы и не утверждаем, как заметили еще прежде, чтобы с давних пор принято было христианство во всей Алании. Оно могло существовать только в некоторых ее частях, когда во всех прочих были исповедуемы иные веры; могло даже господствовать в верхней половине Алании, между Доном и Волгой, в то время когда в нижней половине, у Кавказа и Каспийского моря, только что вздумали искать себе просветителей» [Там же].

Неудивительно, что и С. А. Беляев вынужден осторожно признать правоту Ю. А. Кулаковского, доказавшего, что обращение алан произошло только в начале X века при патриархе Николае Мистике. Однако, признав, что «автокефальная архиепископия Алании была создана в начале X века, во всяком случае, имеющиеся в распоряжении ученых источники дают только эту дату», С. А. Беляев все же продолжает настаивать на том,

что «образование автокефальной архиепископии у алан – это не начало христианизации, а ее завершение, она началась, конечно, значительно раньше и проводилась, когда территория Алании входила в состав какой-нибудь другой епархии, вероятнее всего Таматарской» [2]. Достаточно обратиться к тексту писем Николая Мистика, чтобы убедиться, что нарисованная С. А. Беляевым картина не соответствует действительности: разумеется, контакты алан с христианством начались задолго до X века, но говорить о «завершении христианизации» (да и возможно ли таковое в принципе?) при патриархе Николае Мистике не приходится.

Конечно, переиздание и широкое тиражирование в целом замечательного для своего времени труда митрополита Макария в сопровождении чрезмерно одобрительных комментариев могут сыграть отрицательную роль, особенно если принять во внимание, что и от лица академической науки сейчас предпринимаются попытки пересмотреть давно установленные факты иранского (а не тюркского) происхождения алан.

К сожалению, сам Макарий, готовя второе издание своего труда [5], не заметил ни публикацию Май, ни вышедшие к этому времени работы архиепископа Филарета (Гумилевского) и Н. Г. Волкова. А ведь уже к 1859 г. результаты штудий кардинала Май были освоены и русской наукой. В этом году в свет выходит замечательный труд архиепископа Филарета (Гумилевского) «Историческое учение об Отцах Церкви» [10]. Приводя краткие сведения о Николае Мистике, святитель Филарет упоминает и о крещении алан в годы его патриаршества, ссылаясь на Май, – перечисляет те же письма, в которых упоминаются аланы, дает небольшие цитаты.

А еще два года спустя в свет выходит первая (и пока единственная) монография о Николае Мистике на русском языке, написанная Н. Волковым [3]. Несмотря на то, что эта работа была опубликована в официальном периодическом издании Московской духовной академии, а ее руководителем был не кто иной, как крупнейший церковный ученый протоиерей Александр Горский, вскоре ставший ректором МДА [9, с. V], она, к сожалению, в свое время не привлекла внимания историков Северного Кавказа, как, впрочем, и историков Церкви. А ведь Н. Волков (сведения о котором, к сожалению, пока не удается найти) не просто составил достаточно подробный очерк жизни Николая Мистика, опираясь, по его словам, на «летописи» и переписку, изданную А. Май. Русский ученый вполне мог бы открыть новую страницу в историографии осетинского народа.

Продолжая начатое кардиналом Май, Н. Волков обращает внимание и на другие упоминания алан в корпусе писем: в частности, в послании № 23 в контексте угрозы совместного нападения на болгар со стороны окрестных народов, включая алан [3, с. 246], и в послании № 9 (у Май в предисловии ошибочно «авары», см. выше). Н. Волков, видимо первым в мировой науке, сделал попытку реконструировать историю обращения алан (или их правящего класса) в христианство на основании документальных свидетельств современников [Там же, с. 252]. Согласно его выводам, еще в период первого пребывания Николая Мистика на патриаршем престоле (согласно хронологии Волкова, – 896–907, у Кулаковского и в современных источниках начало патриаршества датируется 901 г.) к аланам отправились на проповедь иноки: будущий настоятель Олимпийского монастыря (в письме № 9, много позже направленном болгарскому царю Симеону, патриарх Николай рекомендует игумена монастыря на Олимпе как мужа, который «распространял слово веры среди алан властью Святого Духа и был предназначен Богом нести сан, равный апостольскому») и Евфимий, впоследствии посланный в Аланию вторично (№ 135). Современные исследователи, в отличие от Н. Волкова, склоняются к мысли, что настоятель Олимпийского монастыря и Евфимий – это одно и то же лицо, но на сегодняшний день сколько-нибудь убедительных аргументов в пользу той или иной версии нет [1, с. 21].

По мнению Н. Волкова, именно этим миссионерам адресовано незамеченное Май и свт. Филаретом письмо № 79 – «следа вниманием своим за их трудами, патриарх, вскоре по возвращении своем из заточения писал к ним в подкрепление». Н. Волков приводит несколько сокращенный перевод центральной части этого письма [3, с. 252–253] и заключает, что «по возвращении сих проповедников евангелия в Константинополь, заботясь об утверждении и дальнейшем распространении между аланами веры христианской, патриарх дал им особенного пастыря, рукоположив в архиепископа Алании благочестивого Петра, от юности оставившего мир» (№ 52). Отправление Петра Волков датирует предположительно временем правления Зои Карвонописины (т.е. 914–919), исходя из указаний на «скорбные обстоятельства, в которых находился сам патриарх», в письме № 133 [Там же, с. 254].

В кратком изложении пяти писем архиепископу Петру Н. Волков отмечает, что патриарх напутствовал нового пастыря «теми же христианскими утешениями..., какие предлагал и первым проповедникам веры», а впоследствии, «когда Петр изнемогал под тяжестью трудов и скорбей, с отеческой любовью являлся к нему на помощь своими утешениями и советами». Автор отмечает также содействие архиепископу со стороны правителя абхазского. «Наконец, для облегчения тяжести трудов его, патриарх отправил снова в Аланию боголюбивого Евфимия с некоторыми другими иноками, отечески убеждая Петра держать во всяком уважении и любви посылаемого ему сотрудника, который и прежде его был проповедником благочестия сему народу» (№ 135) [Там же, с. 255].

Интересно, что Н. Волков прослеживает и динамику в миссионерском подходе патриарха. В письме № 52 Николай Мистик призывает архиепископа Петра к «отеческому снисхождению» в отношении тех, кто не готов к совершенной перемене «языческого» образа жизни, «особенно когда неповинующиеся принадлежат к высшему сословию», а стало быть, «могут воспрепятствовать спасению целого народа» [Там же]. Впоследствии же, когда христианство усилилось, «патриарх давал уже более строгие правила и касательно сего предмета» (№ 133). Об успехах «проповеди у Аланов при патриархе Николае можно судить уже по тому, что сам правитель Алании принял крещение» (№ 51). Отметим, что эти отличия в пастырском подходе объясняются современными исследователями [1, с. 29–30] прямо противоположным образом: в письме № 133 отражен

как раз таки первоначальный, более жесткий подход, но затем патриарх был вынужден «сделать уступку традиционным обычаям варваров».

Итак, к семи отмеченным А. Май «аланским» письмам Николая Мистика Н. Волков добавил письма № 9, 23, а также письмо № 79 (которое частично перевел), хотя аланы в нем прямо не называются. К сожалению, статья Н. Волкова, получившая высокую оценку в работе известного византиниста (впоследствии протоиерея, а затем обновленческого протопресвитера) Н. Г. Попова [9], не была учтена, как уже отмечалось, ни Преосвященным Макарием (Булгаковым), вскоре переиздавшим свой труд «История христианства на Руси до князя Владимира», ни даже Ю. А. Кулаковским – автором первой работы, специально посвященной истории распространения христианства у алан [4].

Можно предположить, что Кулаковский, который работал с текстом Николая Мистика по «Патрологии» Ж. П. Миня [14], механически воспроизводящей издание кардинала Май, не стал даже читать вступительные замечания последнего. Так, у Миня в греческом заголовке письма № 162, адресованного правителю авасгов, допущена опечатка («Григорий»), которая перекочевала и в классическую статью Кулаковского «Христианство у алан», несмотря на то, что в параллельном латинском переводе, как и в перепечатанном Минем предисловии А. Май, сохраняется правильное написание. К сожалению, эта ошибка механически воспроизводится, без каких-либо уточнений и в современном переиздании «аланского» цикла замечательного ученого [4].

Ю. А. Кулаковский самостоятельно выделяет все те же семь писем (№ 46, 51 – «Григорию»; № 52, 118, 133-135 – архиепископу Алании Петру), которые впоследствии и получают название «Аланского досье». Он отмечает, как и Волков, «заметку» об аланах в письме № 9 и высказывает предположение, что не названный по имени «монах, из аскетов Олимпа», упомянутый в последнем, и есть Евфимий, который был «вторично послан в Аланию на помощь архиепископу Петру, и там вышло у них препирательство из-за первенства в деле просвещения алан светом христианства» [4, с. 173].

Ю. А. Кулаковский предположил также, что к аланской миссии относится письмо № 106, адресованное епископу Херсона [Там же, с. 174]. Однако, как показали американские издатели переписки Николая Мистика Р. Дженкинс и Л. Вестеринк [15, р. 569], некий неназванный народ, «обманутый и едва не уловленный злым демоном из недр благочестия», – это хазары (ср. письмо № 68).

При всей своей проницательности Кулаковский, в отличие от Волкова, прошел мимо послания № 79, он также не обратил внимания на упоминание алан в послании № 23. В результате он даже не пытается сколько-нибудь точно датировать крещение алан, отметив лишь, что это происходит, вероятно, во второе патриаршество Николая Мистика. И единственное, по Кулаковскому, основание такого предположения – то, что 9-е письмо (к болгарскому царю Симеону), которое доставляет бывший проповедник среди алан (= Евфимий?), написано «после несчастной для ромеев битвы при Ахелое 20 августа 917 года» [4, с. 168]. В письмах же князю авасгов и архиепископу Петру, по мнению Кулаковского, «нет никаких указаний» на датируемые события. А между тем, именно послание № 79 (точно датируемое из содержания, как это сделал все тот же Н. Волков, 912 г. – временем возвращения Николая на патриаршую кафедру) и позволяет выстроить определенную хронологию событий: направление первых миссионеров (Евфимия и будущего настоятеля Олимпийского монастыря – возможно, речь об одном лице), их возвращение на родину (обещанное в послании № 79), направление в Аланию первого епископа (Петра) и вторая миссия в Аланию того же Евфимия.

Сомнения, высказанные, в частности, С. Н. Малаховым, что послание № 79 отправлено «не то в Хазарию, не то в Аланию» [8, с. 30], необоснованны – описанная в нем ситуация не соответствует тому, что говорится о Хазарии в письме № 68 (а также № 106). Также неправдоподобна версия, согласно которой адресаты письма № 79 отправились в Аланию в том же 912 г.: из текста следует, что они провели там уже немало времени. Следует вернуться к предположению Н. Волкова, что миссия отправилась в Аланию еще в первое патриаршество Николая Мистика.

Всецело признавая выдающиеся заслуги Ю. А. Кулаковского, можно констатировать, что он достиг бы еще более впечатляющих результатов в исследовании истории обращения алан, если бы ему были известны работы его предшественников. Вероятно, причиной того, что этого не произошло, стал наблюдаемый уже во второй половине XIX века разрыв церковной и светской науки. Стоит задуматься о том, чтобы прежние ошибки не повторялись и в наше время, когда и церковные, и светские издательства переиздают классические работы без критических комментариев, соответствующих современному уровню научных знаний, когда церковные ученые воспринимают взгляды своих предшественников не через призму научного анализа, а исходя из духовно-нравственного авторитета последних, когда светские ученые начинают подвергать сомнению давно установленные факты, руководствуясь соображениями политической конъюнктуры или исходя из этнических предпочтений.

Список литературы

1. Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю. Нижний Архыз и Сенты: древнейшие храмы России. Проблемы христианского искусства Алании и Кавказа. М.: Индрик, 2011. 392 с.
2. Беляев С. А. История христианства на Руси до равноапостольного князя Владимира и современная историческая наука [Электронный ресурс] // Макарий (Булгаков), Митрополит Московский и Коломенский. История Русской Церкви. М.: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994-1996. URL: <http://www.sedmitza.ru/lib/text/435723/> (дата обращения: 04.10.2015).
3. Волков Н. Николай Мистик, Патриарх Константинопольский (896-925 гг.) // Прибавления к творениям св. Отцов. М., 1861. Ч. 20. Кн. 2. С. 163-265.

4. Кулаковский Ю. А. Христианство у алан // Кулаковский Ю. А. Избранные труды по истории аланов и Сарматии. СПб.: Алетейя, 2000. С. 165-193.
5. Макарий, архиепископ Харьковский. История христианства в России до равноапостольного князя Владимира. 2-е изд-е, испр. СПб.: Типография Бокрама, 1868. 338 с.
6. Макарий, архимандрит. История христианства в России до равноапостольного князя Владимира как введение в историю Русской Церкви. СПб.: Типография военно-учебных заведений, 1846. 421 с.
7. Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви [Электронный ресурс]. М.: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994-1996. URL: <https://www.sedmitza.ru/lib/text/435711/> (дата обращения: 04.10.2015).
8. Малахов С. Н. Христианизация Алании в 912-922 гг. (по письмам Николая Мистика) // Мир православия: сборник научных статей. Волгоград, 2000. Вып. III. С. 28-36.
9. Попов Н. Г. Император Лев VI Мудрый и его царствование в церковно-историческом отношении. М., 1892. 304 с.
10. Филарет (Гумилевский), архиепископ Черниговский и Нежинский. Историческое учение об Отцах Церкви. СПб., 1859. Т. 1. 240 с.; Т. 2. 384 с.; Т. 3. 450 с.
11. Angelo Mai [Электронный ресурс] // Catholic Encyclopedia. URL: <http://www.catholic.org/encyclopedia/view.php?id=7402> (дата обращения: 04.10.2015).
12. Leunclavius J. Juris graeco-romani tam canonici quam civilis tomi duo. Frankforti, 1596. 563+278 p.
13. Nicholas I, Patriarch of Constantinople. Letters / Greek text and English translation by R. J. H. Jenkins and L. G. Westerink // Corpus fontium historiae byzantinae. Washington, DC: Dumbarton Oaks Center for Byzantine Studies, 1973. Vol. VI. XXXVII+631 p.
14. Nicolai, Constantinopolitani archiepiscopi, epistolae // Patrologiae Cursus Completus, Series Graeca. Paris, 1863. T. 111. Col. 9-28; 27-392.
15. Spicilegium Romanum. Romae: Typis Collegii urbani, 1844. Tomus X [pp. 1-2]. XXXII+392+472 p.

CHRISTENING OF ALANIA IN PRE-REVOLUTIONARY DOMESTIC HISTORIOGRAPHY

Asratyan Dmitrii Konstantinovich

*Institute of History and Archeology of the Republic of North Ossetia-Alania
hasratian@yandex.ru*

The article analyzes the reflection of one of the most important episodes of Christianity spread in the North Caucasus region – the christening of Alania – in the Russian church and secular historiography of the second half of the XIX century. It is noted that domestic scientists made a significant contribution to the study of the history of Orthodox Christianity in Alania, but their work suffered a negative impact of the break of church and secular science that had occurred long before the revolution. The author draws attention to the fact that out-of-date views are sometimes replicated by both modern publishers and commentators of classical works.

Key words and phrases: Christianity; history of Christianity; the North Caucasus region; the Alans; church history; historiography; the Middle Ages.

УДК 314.5.062(571.513)

Исторические науки и археология

В статье характеризуется динамика брачного состояния населения Хакасии в конце 1980-х – 2010-е гг. с учетом влияния на него социально-демографических факторов. Характеристика брачности и разводимости позволяет оценить демографический потенциал населения Республики, перспективы воспроизводства населения; выявить специфику брачного состояния в регионе за последние 25 лет, что не было предметом специального исследования.

Ключевые слова и фразы: население; брачность; разводимость; естественное движение; Республика Хакасия.

Баранцева Наталья Анатольевна, к.и.н., доцент

*Хакасский государственный университет имени Н. Ф. Катанова
barantzeva@inbox.ru*

БРАЧНАЯ СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ ХАКАСИЯ В КОНЦЕ 1980-Х – 2010-Е ГГ. ©

Подготовлено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 14-01-0231).

Важной демографической характеристикой населения, влияющей на создание семей, является брачная структура населения – распределение населения по брачному состоянию, обычно в сочетании с полом и возрастом. Исследование брачности населения Хакасии на протяжении более чем двух десятилетий представляет